

“что поделать, если я похож на Бандераса?”

Владимир Машков — Газете

Сегодня исполняется 40 лет одному из самых популярных актеров российского кино — Владимиру Машкову. Эту дату он встречает, работая над фильмом «Папа!» по мотивам пьесы Александра Галича «Матросская Тишина», где актер снялся в главной роли. Накануне юбилея с Владимиром Машковым побеседовала Наталия Хлюстова.

Хоть в день рождения отвлечетесь от работы?
У меня монтаж будет — это точно. Клянусь вам, пока не думал об этом. Сейчас есть две версии — либо справлять, либо нет. Я вообще не очень люблю дни рождения. Когда работал в театре, я их очень любил, потому что это был повод устроить праздник. Я устраивал невероятные перформансы... Приглашал друзей, показывал свой спектакль. Приходили мои друзья — Гарик Сукачев, Сергей Галанин, Володя Пресняков, устраивали сэйшны. «Капустники» делали, было здорово. А сейчас я оторван от театра. Во всяком случае от постоянного коллектива.

Вы сейчас не работаете на сцене. На ваш взгляд, в театре не происходит ничего интересного?

Я просто ставил спектакли, был за границей, потом снимался в кино. Для работы в театре должен быть повод. То, что предлагалось, мне было не особенно интересно.

А почему вы не пригласили в картину своих партнеров по спектаклю? По возрасту не подходят?
Условности театральные в кино непозволительны.

Сыграл же Олег Меньшиков молодого юнкера...
Значит, такие были задачи. Я проводил пробы, и, соответственно, мне важно было найти очень похожих актеров, чтобы не возникало никаких вопросов. Был огромный кастинг, но я очень быстро нашел исполнителя маленького Давида, Андрея Розендена. Мне помог Владимир Спиваков, это один из его лучших учеников.

Так он настоящий скрипач?
Он не просто скрипач: я думаю, он будет одним из величайших скрипачей. Безумно трогательный, ну прямо сынок мой. Невероятно талантливым, тонкий, способный человек. Я просматривал много фотографий и остановился на Егоре Беровеве. Он над собой очень много поработал внешне, занимался скрипкой. У нас долгие были репетиции. Они безумно похожи, иногда у меня возникало ощущение, что фильм снимался в течение десяти лет. Все произошло органично: сначала я нашел Андрея, а потом, выбирая, Егора.

В этом фильме вы выступаете в качестве и режиссера, и автора сценария, и актера, и продюсера. Не было ли желания взять в руки еще и камеру?
Нет, не было. Я с трудом себе представляю момент съемки самого себя на кинокамеру. Ну совсем умозрительно... то есть — это невозможно.

А кто был оператором?
Олег Добронравов. Мы познакомились на «Олигархе», а до этого у него была картина «Гололед». Он прошел со мной весь путь, от раскадровок и до конца. В этом смысле я им очень дорожу.

Сами вы внутри органично совмещаете эти ипостаси — актерскую и режиссерскую?
К этому я не имею никакого отношения, потому что это все от папы с мамой. Мама была режиссером, а папа — актером. Все начинается с какого-то шага. Сначала я был актером, а потом у меня появилось желание стать режиссером, я попробовал. Дальше уже все зависит от того, получилось у тебя или не получилось, можешь ли ты убедить актеров и зрителей в том, что ты делаешь правильно, что так и должно быть.

Вы даже теоретически не рассматривали возможность того, что роль Абрама Шварца может сыграть другой человек?
Я рассматривал и эту возможность, я все возможности рассматривал, даже пытался кого-то найти. У меня это в голове сидело до последнего момента. Если бы я себя не увидел со стороны... Но мне важно было найти всех, кто будет исполнять остальные роли. А свою роль я люблю и за этот подарок благодарен Табакову.

А как вышло, что вас Табаков выбрал и пригласил на эту роль?
Это было достаточно необычно. Когда он принес эту пьесу, мы как раз были студентами третьего курса. Он принес пьесу и читал ее. Мы как завороженные слушали, она на меня произвела огромное впечатление. И я почему-то был убежден, как, собственно, и все, что он будет сам играть роль отца. У меня в голове не было ни секунды мысли, что это буду делать я. Это была жуткая провокация, и мне казалось, что сыграть это невозможно. Эту роль вообще сыграть невозможно, а в двадцать четыре года... Я был в шоке. Я помню внутренние сомнения, которые приводили меня в состояние отчаяния. Я так этого хотел, но так и не понимал, как это сделать! Каким-то парадоксальным образом все получилось: я искал грим, чего-то себе все время наклеивал, мазался пеплом, у нас ведь тогда грима не было... Я искал какую-то характерность в голосе — меня все не устраивало в себе. Я в театре на сцену не люблю выходить со своим лицом. До меня в театре Табакова никто особо не гримировался. А я все время себе что-то мазал на рожу и пытался видоизмениться. Ну не могу я выходить со своим лицом! Как говорил Константин Сергеевич Станиславский: «В своих ботинках нельзя репетировать». Вот у меня лицо было как ботинки, я его должен был поменять. Тут я увидел какое-то отчаяние, и отчаянный же броском, вспоминая любовь своего отца, сыграл это.

А что еще, кроме лица, вам не нравилось в себе молодым?
Меня не устраивало вообще все.

То есть этим как-то объяснялись два отчисления из института?
Это были еще и стечения разных обстоятельств. Мне хотелось побыстрее стать взрослым. Я долго был самостоятельным, рано потерял родителей. Я сейчас вхожу в тот возраст, в каком был мой отец, когда я появился на свет. Папе было сорок лет, я 1963 года, а папа 1923-го. Я помню папу в таком возрасте. И для меня этот возраст связан с каким-то невероятно красивым и сильным человеком. Поэтому я с большим восторгом вхожу в возраст своего отца.

Значит, сорок лет для вас не время переоценки ценностей?

Такое ощущение, что я все время готовился к возрасту своего отца. Для меня это важно, потому что вся остальная его жизнь прошла на моих глазах. Он был блистательным актером.

Почему вы тогда не пошли вслед за отцом в кукольный театр?
Так распорядилась судьба. Я поехал поступать в театральное училище в Новосибирске, а там не было кукольного отделения.

Но в целом родители поддержали ваше желание быть актером?
Они меня отпустили. Я занимался всем: биологией например. Понять, что я стану актером... Родителям трудно представить, что человек станет заниматься какой-то безумной вещью. Моя жизнь прошла за кулисами театра кукол, в гастролях, мы ездили по пионерским лагерям, я работал монтировщиком в театре кукол, все детство проходило на колесах — в автобусе «Кубань». У меня вообще есть мечта написать историю театра кукол. Такую историю кукольную. Это фантастическая история, когда взрослые люди входят на «арену детской радости», как они это называли. Ширма отделяет людей от кукол, которые живут своими страстями. Люди тоже живут своей страстью, передвигаются в этом автобусе... Это фантастические истории. Поэтому родители не очень верили, что это как-то серьезно. Особенно мама, она вообще была жесткой.

Непонятно, как вас с такими воспоминаниями вообще занесло на биологический факультет?
Я любил это. Животных собирал подраненных, лечил их. Мне это так нравилось!

Кошек-собак собирали?
Да всех подряд: кошек, собак, змей, крыс. Все жили в доме.

Родители не возражали?
Нет. У меня вся комната была забита клеточками, звери ползали, летали...

А сейчас у вас кто живет?
У меня две собаки, Груша и Пестицид. Терьеры йоркширские, маленькие такие. И попугай Джека. Он сейчас у Дуровой. Я его там оставил, пока на съемках был, а теперь у него любовь там. Он большой австралийский какаду. Я с ним раньше все время общался. Он мне говорил: «А в чем дело? А ты как?» Ну, в общем, «человек». Он влюбился в попугаиху, большую-большую, с таким розовым хохлом. Так что он сейчас там в состоянии любви. Такое романтическое путешествие. Я кино снимаю, а он в романтическом путешествии!

Вернемся к фильму. Проявляются ли ваши режиссерские амбиции во время съемок у других постановщиков? Или вы послушный актер?
Абсолютно. Я у себя не припомню таких проявлений. Дело в том, что режиссер больше всех читает сценарий от начала и до конца. Я в этом смысле очень доверяю режиссеру, а себя не могу контролировать. Поэтому, когда я делал свое кино, у меня к самому себе были большие претензии. В театре я бы не позволил себе играть в собственном спектакле. Во всяком случае это не произошло до сегодняшнего времени и у меня нет такого желания — играть в спектакле, который я ставлю. Я не смогу этого. А в кино ты ищешь возможность при помощи современной техники посмотреть, что ты сделал. У меня была возможность себя поправить и сделать самому себе замечание. Это был самый забавный процесс в моей жизни, когда во мне разговаривали несколько человек: актер, продюсер, режиссер и автор сценария.

Считаете ли вы, что роль Абрама Шварца являл вас публике с новой стороны? Не как секс-символ или характерного актера, а откроел какие-то новые грани?
Не могу точно сказать, была ли у меня такая внутренняя задача. Я просто очень хотел это сделать. Мне внутренне очень важно сделать эту работу именно сейчас, когда есть силы.

А стереотип восприятия вас как секс-символ вам скорее льстит или же раздражает?

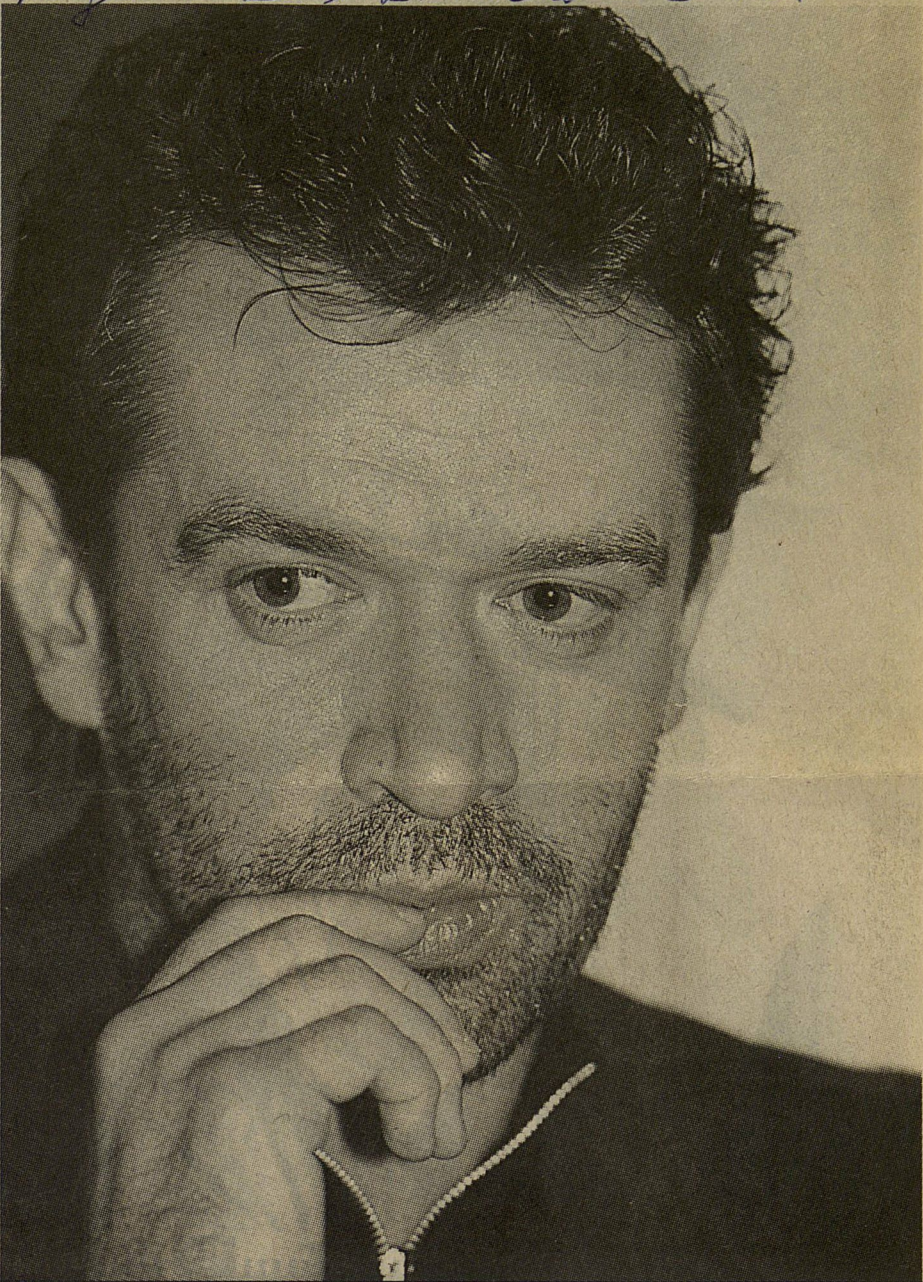
Да нет, меня вообще практически ничего не раздражает. Кино — оно в любом случае очень сильно использует типаж. Ну, если увидели так — значит, это так. Мне даны такие руки, ноги, лицо такое, такой темперамент, поэтому тут сопротивляться было бы нелепо. Роль Абрама Шварца мне бы в кино никто не дал. Поэтому я ее взял сам.

То есть звание российского Антонио Бандераса вам просто навязали?
Реплики о том, на кого я похож, — это все равно реплики. Ну что сделаешь, если я на кого-то похож! Кстати, Бандерас — очень хороший актер. Мы тут даже шутили по этому поводу: «Давай сделаем кино: один брат будет из России, а другой братишка — из Лос-Анджелеса».

Вы же сами в Америке снимались. Для вас работа там стала каким-то открытием или новым этапом в карьере?
Это новый опыт, потому что все там практически другое, другой язык. Я не эксперт в этом смысле, я там провел достаточно короткое время. Мне повезло, что Паша Чухрай меня взял в картину. Это ему Григорий Наумович Чухрай сказал: «Вот, бери Машкова».

Есть сейчас предложения с Запада?
Все зависит не от нас. Есть предпосылки и возможности — работой. Сейчас у меня обязательства перед XX Century Fox, я должен сняться еще в двух картинах. Там есть картины, которые я жду, — например фильм Майкла Рэдфорда. Я жду с большим нетерпением, это большая картина, и история очень интересная.

Но до конца «Папы!», наверное, еще далеко?
Считанные дни назад закончились съемки, сейчас начинается монтаж. Съемки начались 24 мая, мы снимали по всем оставшимся местам, по которым еще можно было воссоздать атмосферу 1939 года в Москве. Киевский вокзал, который для нас лю-

Владимир Машков: «Все зависит от того, можешь ли ты убедить актеров и зрителей в том, что ты делаешь правильно, что так и должно быть»
Фотограф: Игорь Захаркин/Газета

безно не стали разбирать, Театр Российской армии, Библиотека имени Ленина, Красная площадь. Потом снимали в замечательном городке, который называется Каменец-Подольский — в Западной Украине. Я пересмотрел огромное количество городков и выбрал тот, в котором снимался «Комиссар». В этом городе многое сохранило. Там нет асфальта, а везде брусчатка; город такой теплый, настоящий.

Можно говорить уже о сроках окончания фильма?
Сейчас трудно сказать, когда фильм будет закончен, нам еще предстоит много работать. В частности над музыкой, которую будет записывать и уже частично записал Владимир Спиваков, мой близкий друг. Одна компьютерная обработка займет два месяца... Надеюсь, что к лету фильм будет закончен.

Продюсеры на такой проект нашлись сразу?
Жаловаться не на кого, я являюсь одним из продюсеров. Поэтому мне безумно повезло. Очень быстро откликнулись близкие мне люди, а также Министерство культуры, которое очень мне помогло. Я давно готовил эту историю: сначала мы писали сценарий с соавтором, Ильей Рубинштейном, а потом долгие были раскадровки. Кино было сначала нарисовано, ну а до этого год готовились.

Если это такой давний замысел, то почему вы не с ним дебютировали в кинорежиссуре, а с «Сиротой казанской»?
Не время было. Дело в том, что этот спектакль в театре Табакова я сыграл раз четыреста, наверное. И сейчас уже пять или шесть лет его не играю. Время прошло. Эта история должна была отложиться, сформироваться в моей маленькой голове. В какой-то момент я почувствовал, что могу, и все силы бросил на это. Поэтому для меня все произошло органично.

А что есть в этой истории такого, что вам не удалось сказать в спектакле?
Понимаете, это не разговор о том, что удалось сказать, а что не удалось. Спектакль и вообще театр — это совсем другой вид искусства. И у нас история достаточно отличается от театрального проекта. Я хотел свою сделать историю. Для меня очень дорога эта работа, для меня лично. Я начал играть Абрама Шварца студентом еще, сыграл действительно четыреста раз. Для меня она очень настоящая и в данный момент жизни очень важная. Недаром она будет называться «Папа!» — с воспицательным знаком.

А о каком принципиально важном моменте жизни идет речь?
Эти вещи, они такие необъяснимые... Не знаю, мне подходит вот сорок лет, чему я очень рад, я себя очень не любил молодым, и как-то... У меня свои долги перед родителями, которые я с настойчивостью идиота пытаюсь вернуть. Снимаю первую картину «Сирота казанская», которую я посвятил родителям, а эту картину я посвящаю папам. Это очень большая часть моей внутренней жизни, которая не уходит и не уйдет. Если уйдет, то все остальное будет бессмысленно. Эта история настолько простая и при этом настолько задевающая меня лично, что я надеюсь — она «попадет» и в других людей.

Как бы вы определили жанр картины?
Не знаю. Хотелось бы, чтобы это была трагикомедия. Наверное, как и вся наша жизнь, она очень трагикомична, если на нее посмотреть со стороны. Но это такой громкий жанр... Не могу сказать.

То есть вы не считаете это экранизацией?
Нет, это фильм по мотивам. Кино обязательно должно быть очень зрелищным. Там есть и много личных кусочков, моих ощущений от Москвы — первых, таких романтических...

А какие у вас были первые ощущения от Москвы?
Я помню этот незабываемый запах метро. Запах этот называется — запах креозота, такое неромантическое название, как ни странно. Когда я в первый раз увидел этот эскалатор, под землей эти поезда... Первый спуск в метро, там есть такая боль-

шая сцена: у нас была серьезная подготовка, художник Владимир Аронин нашел вагоны того времени, декорировал станции. Мне было очень важно передать безумный ритм Москвы, когда в нее попадаешь: я же сам провинциал. А тут огромное количество красивых людей, красивых и очень быстро перемещающихся. Мне хотелось показать ту старую Москву, которая сейчас уходит, которую съедает цивилизация.

А какие впечатления вы вложили в сьемки на Красной площади? От посещения Мавзолея?
Нет, я, к сожалению, в Мавзолее не был никогда.

Вам все это настолько претит?
Я со стороны лучше посмотрю, внутрь нет особенного желания зайти. Прийти на могилу как циник я не могу. Да и как любопытствующий не могу.

Ну, это не совсем могила...
Да нет, могила. И рядом там лежат очень достойные люди. А Красную площадь я очень люблю. Помню, когда я первый раз приехал в Москву, мне было двенадцать лет. Моя мама приехала на фестиваль кукольников — она была режиссером театра кукол, — и мы спустились в метро, вышли как раз на «Площадь Революции». И там такой есть выход на улицу, где сразу видишь башню Кремля со звездами. На меня это произвело невероятное впечатление.

Вы ведь, наверное, были пионером?
А как же! Меня в пионеры принимали в Шушенском. Я же жил в городе Новокузнецке, и лучший класс повезли в Шушенское. Я был не самым лучшим учеником, но так, чтобы не обижать меня и еще одного раздолбая, решили взять. Мне не хватило шелкового галстука, был дефицит... Помню, я очень переживал: все были в шелковых галстуках, а я в пошитом. У меня был тряпчатный, темно-красный. Зато у меня была лучшая шапка, кроличья, белая. У меня есть фотография — Шушенское, значит, шалаш этот, мы стоим. У всех алые галстуки, а у меня такой темно-красный — и белая шапка.

Возвращаясь к вопросу об экранизации: скажите, а ваша жизнь профессиональная как-то изменилась после съемок в «Идиоте»?
Мы работали без шума. Тяжелая работа, потому что у нас были сжатые сроки, и за это время, кроме того чтобы выучить текст, нужно было членораздельно и с пониманием того, что ты говоришь, его произнести. Мы об этом не задумывались — иногда, конечно, возникали разговоры о том, будет это интересно или неинтересно. Работа — она всегда есть работа, если люди честно подходят к ней. Что, собственно, и происходило на площадке, несмотря на сжатый график.

А кроме работы вы чем-то занимаетесь? Для души? Например, рыбалкой?
Я такой... виртуальный рыбак: все время думаю — как хочу на рыбалку, ну как хочу на рыбалку! Но не был очень долго. Нет, у меня специального хобби нет. Не заладилось с этим. Я в этом смысле свободен. Куда занесет — туда занесет.

А как же вас в Тибет занесло?
Да, была такая история в моей жизни, достаточно сумасшедшая. Года три назад. За компанию поехал.

Вас так легко подбить?
Меня? Очень. За компанию — очень. Ребята предложили поехать к ламам, ну и поехали. У нас там все потом забрали, шли пешком до храма, босиком, изрезанные все. Было очень холодно.

Получается, что вы авантюрный человек. А могли бы, как тот же самый Бандерас, рискнуть и сыграть роль гомосексуалиста?
Я думаю, что роль гомосексуалиста вряд ли, потому что нужен личный опыт. Ну, или какие-то внутренние предпосылки, которые я с трудом могу в себе найти и вряд ли найду. Играть что-то из области марсиан, наверное, для меня легче. Да, сыграть марсианина инопланетного гораздо легче.